

Вита Малыгина, Елена Хилтунен

Счастливые... какой ценой?

Для взрослых и детей приоритет сегодня один – жить полной жизнью, ощущая себя счастливыми и благополучными. Как помочь достичь этого своему ребенку? Сравним стремления родителей и мнения специалистов.

Нам хорошо знакомы эти дети. Десятилетний Никита профессионально гоняет на роликах, неплохо разбирается в кино, учит английский с детского сада и не помнит времени, когда не умел обращаться с компьютером. Он любит читать и не прочь обсудить вопросы экологии, но у него проблемы с почерком, и учителя утверждают, что Никите все еще трудно сосредоточиться. Даше – восемь, по утрам она тщательно продумывает свой наряд. Она обожает «Фабрику звезд» и кукол Братц, но днем после школы все еще просит, чтобы няня поиграла с ней в «магазин».

Никита и Даша – обычные дети «из хороших семей». Они выглядят вполне благополучными, ни в чем не нуждаются, но можно ли назвать их счастливыми? Специалисты считают, что именно этот вопрос на самом деле беспокоит родителей, когда они говорят на приеме у психолога: «Она совсем не читает», «Ему скучно в школе», «Он не хочет взрослеть». На самом деле папы и мамы хотели бы задать один-единственный вопрос: «Достаточно ли счастлив мой ребенок?» – и получить на него внятный ответ.

Всего лишь «маленький взрослый»...

Сегодня забота о счастье и благополучии детей нам кажется естественной. Но еще 100 лет назад большинство родителей в разных странах мира считали, что главная цель воспитания – добиться беспрекословного повиновения старшим. «Большую часть своей истории человечество снисходительно и неуважительно относилось к детям», – рассказывает историк психологии Екатерина Бакшутова. Детей считали несовершеннолетними, одевали во взрослую одежду (даже в рыцарские доспехи), наравне со взрослыми арестовывали, наказывали и... казнили. Потеря ребенка не была трагедией, наоборот, родители воспринимали детей как собственность, которой они вправе распоряжаться по своему усмотрению. Ситуация стала меняться лишь с конца XVI века. Крупнейший французский демограф и историк Филипп Арьес считал, что преодоление безразличного отношения к детству началось с появлением в это время в живописи портретов умерших детей.

Спустя еще 100 лет появляются первые детские книги, одежда... В начале XIX века некоторые матери из «образованных» семей решаются нянчить и воспитывать детей сами, реже применяется физическое наказание, врачи пытаются понять особенности детского организма. «Теперь с детьми считаются, за ними признается право быть кем-то особенным, как если бы общественное сознание лишь сейчас открыло для себя, что душа ребенка тоже бессмертна», – писал об этом времени Филипп Арьес.

Зачем ему взрослеть

Неужели же тысячу или пятьсот лет назад люди были настолько глупы, что не хотели понять, осмыслить потребности своих детей? Об этом размышляет возрастной психолог Галина Бурменская - кандидат психологических наук, преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова, автор (совместно с О. Карабановой и А. Лидерсом) книги "Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей" (МГУ, 1990)

"Проблема не в уровне интеллекта прародителей, а в другой практике общественных отношений, ином разделении труда и иной системе детско-родительских отношений. У наших предков - и взрослых, и детей - была общая жизнь: дети участвовали в быту практически наравне со старшими. Необходимости в воспитании как особой деятельности не было: ребенок непосредственно, на примере окружающих, видел себя в будущем и стремился скорее стать взрослым. В современном обществе все не так: произошло разделение на "мир взрослых" и "мир детей", между которыми огромная временная и смысловая пропасть. Именно в этом корень многих проблем, переживаемых современными родителями. Ребенок еще должен понять: хорошо ли быть взрослым, есть ли смысл к этому стремиться? А взрослый вынужден придумывать, как приобщить ребенка к своему миру, его смыслам, как заинтересовать подготовкой к тому будущему, которое

ему пока недоступно и наступит нескоро. Ребенок, не открывающий для себя смысла развития, не может быть счастливым. Ситуация усугубляется тем, что взрослая жизнь родителей (их изнуряющая работа, конфликтные взаимоотношения, неудовлетворенность собственным существованием, которую дети чувствуют) часто выступает для детей в непривлекательном и даже отталкивающем виде. В таких условиях передача опыта и смыслов исключена, дети не желают взрослеть, не хотят идти в школу, развлечения вытесняют из их жизни другие занятия".

В центре интересов

Настоящий бум интереса к ребенку и тому, как он развивается, начался в XX веке. И связан был с исследованиями психологов и педиатров. Зигмунд Фрейд, Жан Пиаже, Лев Выготский, Мария Монтессори, Мелани Кляйн, Дональд В. Винникотт – многие ведущие психологи мира задумались о механизмах взросления, о том, как формируются и развиваются высшие психические функции человека: память, внимание, эмоции, воображение, познавательные процессы. «Они впервые увидели и описали, насколько дети не похожи на нас, взрослых, – говорит возрастной психолог Галина Бурменская. – Все их существо устроено иначе. С этим знанием многим родителям стало легче понимать своего ребенка, быть снисходительными, относиться к нему с уважением и терпением».

Но лишь во второй половине XX века идеи психологов о природной связи матери и младенца, психологии доверия, чувстве привязанности, праве ребенка на собственный голос изменили положение детей в Европе и Америке.

В России своя история отношений с детством. В середине 80-х годов писатель Симон Соловейчик и детский хирург Станислав Долецкий напечатали в «Учительской газете» серию статей, в которых призывали родителей... не наказывать (не бить) детей. С этой публикации началась знаменитая общественная дискуссия: что такое счастье ребенка; как его учить; можно ли с ним сотрудничать, дружить; нужно ли уважать его позицию; имеет ли он право на собственное мнение? И как должен действовать запрет на наказание: всегда или иногда все же можно его нарушать? Трудно поверить, но всего лишь 20 лет назад в нашей стране всерьез обсуждали эти вопросы, спорили. «Очень многим было непросто поверить, что ребенок – это не маленький взрослый, он – человек со своим глубоким внутренним миром», – вспоминает писатель Анатолий Приставкин.

Обсуждение статуса ребенка в обществе изменило само общество. «Новое мышление», «демократизация», «общество с человеческим лицом», «перестройка» – все эти слова мы впервые услышали во время общественной дискуссии о том, что такое «счастливый ребенок».

Под давлением любви

И вот теперь он стал для нас даже больше, чем просто личность. Во многих семьях ребенок – настоящий «домоправитель»: он диктует распорядок жизни семьи, ее правила и традиции, влияет на приобретение и выбор места отдыха. Родители оберегают его, боятся травмировать, защищают от трудностей и любых огорчений. «Благополучие, счастье ребенка стало сегодня для родителей частью понятия «личное счастье», – комментирует ситуацию детский психолог Татьяна Бедник. – Прежде мы хотели его воспитать. Сегодня стремимся понять его».

Родители хотят сделать ребенка счастливым, прежде всего подразумевая социальный успех. Как личное оскорбление они воспринимают детские промахи и неудачи. «Чаще всего за такой одержимостью взрослых стоит стремление осуществить через ребенка собственные нереализованные мечты и желания», – поясняет Галина Бурменская. А что чувствует ребенок? Чтобы соответствовать такому уровню ожиданий, он должен быть всегда хорошим, проявлять себя по максимуму, преуспевать в том, чем занимается. «Но дети, – продолжает Галина Бурменская, – очень рано чувствуют ущемление свободы выбора и встречают его враждебно, даже когда не знают, что для них важно на самом деле». «И в результате многие дети страдают комплексами, вызванными слишком сильным давлением – социальным и со стороны родителей», – считает психотерапевт Яков Обухов.

**Счастливый
Александр**

–

**значит...
Венгер**

детский психолог, доктор психологических наук, автор книги «Психологическое консультирование и диагностика» (Генезис, 2004).

«Счастливым чувствует себя тот, кто понимает, что его любят родители и другие люди. И что принимают его таким, каков он есть на самом деле. В какой-то степени ощущение счастья зависит и от возрастного периода. Скажем, подростку или ребенку, переживающему кризис трех или семи лет, чувствовать себя счастливым гораздо труднее, чем остальным детям. Любой переходный период сложен, потому что ребенок оказывается как бы между двух стульев и второе условие счастья – быть самим собой – становится невыполнимым. В момент кризиса он начинает бороться за новое положение и перестает сам себя устраивать. Поэтому он не может чувствовать себя счастливым, даже если окружающие по-прежнему им довольны».

Развитый, но не перегруженный; успевающий, но не с единственной целью непременно добиться успеха; находчивый и самостоятельный, но в меру своих возрастных возможностей – счастливый ребенок растет, проходя все стадии развития в собственном ритме, и лучше не стараться ускорить его. «Вчера не ходил, а сегодня – ходит! И посмотрите, как он счастлив! – напоминает Галина Бурменская. – Счастье, связанное с ростом человека, – очень сильное чувство. Ребенок развивается неизбежно. Значит, он будет счастливым, особенно если его не торопить».

Он не просто маленький человек, который знает и умеет меньше взрослого. «Ребенок – совсем иное, особенное существо и отличается от нас прежде всего качественно иной психикой, – поясняет возрастной психолог Ольга Карабанова. – Его развитие сложно организовано во времени, его темп и ритм различаются в разные годы и месяцы жизни». Источник развития детей – среда, в которой они живут, культура, которую познают в общении и совместной деятельности со взрослыми людьми. Движущая сила развития – обучение, в процессе которого перестраивается сознание, складывается новый уровень обобщений. «Мудрость воспитания в том, чтобы учитывать возможности, которыми располагает ребенок, и вести его дальше», – продолжает Галина Бурменская. Чем он моложе, тем больше мы подстраиваемся под него. Но по мере взросления мы должны давать ему все больше самостоятельности. И в конечном итоге «отпустить», разрешить ему жить своей жизнью.

Между свободой и заботой

Счастливый ребенок станет самостоятельным взрослым человеком, когда придет его время. А до той поры мы должны терпеливо поддерживать его, откликаясь на его просьбу: «Помоги мне это сделать самому». Давать свободу, но не оставлять. Любить и защищать, но не прятать от жизни. Многим родителям трудно придерживаться этих принципов. Мы не всегда способны определить, готов ли ребенок к большей самостоятельности или все еще очень нуждается в нас. «Очень непросто пройти между Сциллой подавления инициативы ребенка и Харибдой преждевременного лишения поддержки и помощи, – комментирует Галина Бурменская. – В решении этой задачи может помочь только родительская чуткость – в оценке стремлений и возможностей ребенка в каждый конкретный момент».

Станут ли дети, которых слишком опекают или чересчур рано приучают к самостоятельности, несчастными? Вовсе не обязательно. Дети, как цветы, способны выдержать жестокие заморозки и палящее солнце – и все равно расцвести.

Об этом

- **Филипп Арьес, «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке», *Уральский университет*, 1999.**
- **Игорь Кон, «Ребенок и общество», *Academia*, 2003.**